

Тан устало потёр переносицу. Особенности организма позволяли ему переносить нагрузки гораздо легче, чем обычным людям, однако даже он не был железным.

В конце концов, он оставался человеком, пусть и со своими странностями.

— Включить свет.

Комната тут же залилась мягким, ровным светом.

Его жилье было более чем скромным. Будучи главным доверенным секретарем Балька, нынешнего первого консула, Тан по-прежнему занимал ту самую квартиру, которую ему выделили много лет назад. В те времена Гейл жил по соседству, буквально в двух шагах отсюда.

Вся обстановка ограничивалась спальней, гостиной, крошечной кухней и ванной. Такое жилище едва ли соответствовало его нынешнему статусу — даже у рядовых клерков квартиры порой были просторнее и обставлены куда богаче. Здесь же минимализм граничил с откровенным аскетизмом.

Однако сегодня на диване в его гостиной сидел незванный гость.

Тан ревностно оберегал личное пространство, поэтому бесцеремонное вторжение без приглашения вызвало у него лишь глухое раздражение.

— Что ты здесь делаешь?

Гость обладал довольно приятной, но незамысловатой внешностью. На его неброском лице выделялись лишь необычайно живые, блестящие глаза, да и весь его облик нёс в себе какую-то неуловимую, притягательную силу.

Это был Коукинс — первый помощник Балька и в прошлом второй человек в его наемном отряде.

Коукинс считался фигурой почти легендарной. Тан, честно говоря, искренне не понимал, ради чего такому человеку понадобилось связывать жизнь с наемниками. Как ни крути, это ремесло смертельно опасное, постоянная игра со смертью на острие ножа.

По всей галактике гремела слава бесчисленных меха-клубов. В нынешнюю эпоху они давно переросли формат элитарных салонов для праздной публики: это были полноценные бизнес-империи. Клубы предлагали симуляции сражений, аренду и индивидуальную сборку боевых машин, а доходы от межклубных чемпионатов, тотализаторов, аренных боев и сопутствующей атрибутики приносили астрономические прибыли.

Коукинс же был единственным наследником владельца крупнейшей галактической сети таких заведений. Он был баснословно богат: все его доходы от наемнических контрактов не шли в сравнение с карманными деньгами, которые отец выделял ему на мелкие расходы.

Даже эксклюзивную меху Балька полностью оплатил и подарил Коукинс, а сам этот богач владел сразу двумя кастомными машинами, меняя их по собственной прихоти.

Узнав о происхождении Коукинса, Тан долго недоумевал, какие мотивы могли двигать этим человеком.

Но позже всё прояснилось.

Коукинс был влюблен в своего командира. По крайней мере, раньше.

— Если бы я не явился без приглашения, ты бы так и не дал нам поговорить с глазу на глаз? — вопросом на вопрос ответил Коукинс.

Тан нахмурился, его голос прозвучал привычно сухо:

— Не думаю, что нам есть о чем говорить.

Коукинс резко поднялся с дивана, едва сдерживая злую усмешку.

— Вот как. Значит, то, что мы несколько раз перепихнулись, для тебя пустой звук? Мы так и не стали достаточно близки, чтобы просто поговорить?

На что Тан без тени сомнения отрезал:

— Именно так.

Коукинса словно обухом по голове ударили. Он всерьез засомневался, течет ли в жилах этого сухаря хоть капля теплой крови.

Тан молча разглядывал искажившееся лицо гостя. Неужели слухи всё-таки врани?

«... Разве Коукинс не считался главным ловеласом в отряде Балька?..»

В отличие от вечно сурового и неразговорчивого командира, тот всегда умел расположить к себе людей, расточая внимание и заботу направо и налево. Стоило в отряде появиться новой

смазливой девчонке, как она тут же начинала строить ему глазки, да и среди симпатичных парней хватало тех, кто не прочь был намекнуть на взаимность.

Справедливости ради, внешне он сильно уступал статному командиру, да и сам Тан был куда более приятен. В наемном отряде Балька вообще хватало эффектных мужчин и женщин, так что на их фоне Коукинс казался совершенно невзрачным.

И тем не менее именно вокруг него вечно вился целый рой поклонников.

И дело было вовсе не в его происхождении, о котором тогда никто не догадывался, — всё упиралось исключительно в его природное обаяние.

Справившись с дыханием, Коукинс глухо спросил:

— Ты ведь любишь Гейла, да?

Взгляд Тана сделался ещё холоднее.

— Тебя это не касается.

— Ещё как касается! — со злостью выплюнул Коукинс. — За всю мою жизнь в моей постели был только один мужчина — ты!

Тан потрясенно на него уставился.

— Да, представь себе. Меня всегда интересовали исключительно мужчины, а к бабам я абсолютно равнодушен.

Тан лишился дара речи от удивления — маска ледяного спокойствия на его лице дала глубокую трещину.

— Но... разве про тебя не говорили, что ты ветреник и бабник?

— И кто тебе такую чушь наплел? — хмуро бросил Коукинс.

Тан промолчал.

«Да весь отряд только об этом и трепался».

Коукинс презрительно фыркнул:

— И ты веришь любым досужим бредням?

— Какая разница, верю или нет, — парировал Тан. — Но разве ты сам не любил командира всё это время?

— Да, по глупой молодости я сох по Бальку. И что с того? — безучастно пожал плечами Коукинс. — Он натурал до мозга костей, его мужчины никогда не привлекали. Кстати, ты что, до сих пор не знаешь о его отношениях с Лили?

Тан честно признался:

— Понятия не имею.

В отряде Балька он провёл от силы полгода и, признаться честно, ни разу не замечал, чтобы командира и Лили связывало нечто большее, чем служба.

Коукинс сощурился, в упор глядя на него:

— Ну а ты сам?

— Что я?

— Моя привязанность к Бальку осталась в далеком прошлом. Это была лишь юношеская влюбленность. А у тебя?

Тан посмотрел ему в глаза и невозмутимо ответил:

— За всю мою жизнь я по-настоящему полюбил лишь однажды. И люблю до сих пор. Его имя...

— М-м!

Коукинс стремительно шагнул вперед, зажал ему рот ладонью и с яростной обидой прошипел:

— А у тебя хватает духу говорить это мне в лицо!

Тан молча смотрел на него.

«А почему я должен молчать?»

Коукинс шумно выдохнул, его плечи поникли, и он тихо, почти умоляюще обнял Тана.

Тан не стал сопротивляться.

Много лет назад, потеряв всё, он бежал с планеты Лита, став безродным изгнанником. Позже судьба свела его с отрядом Балька, и Тан позволил Коукинсу быть рядом лишь по одной причине: от этого мужчины исходило такое необходимое ему тогда тепло.

В те дни его жизнь катилась в бездну. Ему было невыносимо, смертельно холодно. Потеряв всех, кто был ему дорог, пройдя через кошмар бесконечных утрат и увидев страшный конец собственной семьи, он замерз настолько, что даже кровь в его жилах, казалось, превратилась в лед, заставляя тело мелко дрожать.

Тан всегда умел четко разграничивать чувства. К Коукинсу он испытывал глубокую признательность, смешанную с чувством вины — ведь в те темные времена он действительно просто эгоистично грелся у чужого очага.

Но он не любил его. Не любил по-настоящему.

Глядя на обнимающего его мужчину, он оставался пугающе трезв и рассудителен.

Его сердце безраздельно принадлежало лишь одному человеку. Он любил его так сильно, что готов был пожертвовать ради него всем на свете, лишь бы тот был счастлив. Тану было достаточно просто издали наблюдать за ним, чтобы чувствовать себя умиротворенным.

Гейл.

Тан любил его всем сердцем.

— Тан, ты мне нужен, — глухо пробормотал Коукинс, утыкаясь лицом в его плечо. — За все эти годы в разлуке я всё окончательно понял. Я люблю тебя. Потому и искал по всей галактике столько лет.

Тан на мгновение оцепенел. Ему и в голову не приходило, что кто-то способен любить его так преданно и бескорыстно.

— Я люблю тебя, Тан.

— Прости меня.

«Но я всё равно люблю его. И ничего не могу с этим поделать».

«Прости меня, Коукинс».

<http://bllate.org/book/19793/2000961>